

**«СВЯТОЙ ВЛАДИМИР» ЗА ДУНАЕМ:
РОССИЙСКИЕ НАГРАДЫ НИКОЛЫ ПАШИЧА***

А.Л.Шемякин

(доктор исторических наук,

Институт славяноведения Российской Академии Наук, Москва)

У статті розглядається історія російських нагород Ніколи Пашича – видатного державного діяча незалежної Сербії та Королівства сербів, хорватів і словенців, одного з головних творців «Першої Югославії».

The history of the Russian rewards of Nicolai Pashich is examined – prominent statesman of the independent Serbia and Kingdom of Serbians, Croats and Slovenci, one of the main creators of «First Yugoslavia» in the article.

Среди сербских политиков, общественных и военных деятелей XIX – начала XX в. немало кавалеров российских орденов. Вспомним хотя бы портрет Карагеоргия кисти В.Л. Боровиковского, на котором вождь инсургентов Первого Сербского восстания изображен с Анненской лентой через плечо. Известны фотографии Вука Караджича с «коронованой» Анной на шее. «Отец» сербской независимости Йован Ристич «обрел» Станислава, Анну и Александра Невского. Митрополит Михаил – воспитанник Киевской духовной академии – прибавил к ним Владимира 2-й степени. За блестящие победы над австрийцами в 1914 г. Верховный главнокомандующий, принц-регент Александр Карагеоргиевич, уже имевший Андрея Первозванного, был пожалован Георгием 3-го класса. Кстати, высшим орденом Российской империи ранее награждались и его отец король Петр I (получивший в 1914 г. к нему мечи), и лютый враг династии Карагеоргиевичей – князь Милан Обренович. Но это были венценосцы!

В связи с вручением сербским подданным российских орденов случались и казусы. Так, посланник в Петербурге Алимпие Васильевич, по окончании своей миссии в 1893 г., отказался принимать Станислава 1-й степени, полагая, что ему, как «дипломатическому представителю первого ранга, пристало получить Белого Орла или хотя бы Св. Анну». По воспоминаниям дипломата, «он швырнул орденскую коробку на стол товарища министра иностранных дел Н.П. Шишкина и ушел». Назавтра серба насилу уговорили взять орден с обещанием исправиться. Васильевич принял «оскорбительного» Станислава, поклявшись никогда его не носить (1, 162). Но... тщеславие крестьянского сына оказалось сильнее принципов – сохранилось его фото в парадном мундире с треуголкой в руках и красно-белой лентой во всю грудь.

На фоне увешанных крестами и звездами сербских деятелей выделяется фигура Николы Пашича. Многолетний премьер и лидер Народной радикальной партии, наиболее последовательный русофил во всей Сербии, он осыпан наградами из Петербурга особенно щедро. Пашич многократно бывал в российской столице, добился полного доверия к себе со стороны властей и накрепко привязал, как тогда говорили, «маленький

* Пашич Никола (1844-1926) – виднейший государственный деятель независимой Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев. По образованию инженер-строитель: в 1872 г. окончил Высшую политическую школу в Цюрихе. Во время пребывания в Швейцарии сблизился с русской революционной эмиграцией. Основатель (1881) и бессменный шеф Народной радикальной партии – самой влиятельной политической организации в Сербии. В 1891-1926 гг. 22 раза занимал посты премьер-министра Сербии и Королевства СХС. Один из главных творцов «Первой Югославии».

сербский плот к могучему русскому кораблю», понимая, что без помощи России его страна не выполнит своих национальных задач...

Но начинал Никола с барабанным боем, как заговорщик и бунтарь. Друг русских нигилистов, он взял от них идею *неповторения* пути Западной Европы, чреватого для его земляков разрушением традиционной культуры и отчуждением от национального бытия. Защита исконных начал по формуле: «сербский народ – сообщество равных»; общинного, коллективистского духа (в противовес идущему с Запада агрессивному индивидуализму), – объявлялась главной задачей. Сама по себе эта традиционная модель не была самоцелью. В условиях все еще незавершенного процесса сербского освобождения и объединения она становилась средством (и формой) консолидации сербов – единство интересов в обществе позволяло сохранять устойчивость народного духа и высокую степень мобилизационной готовности как важнейшие внутренние предпосылки будущего освобождения.

Потому-то Пашич, вместе со своими радикалами, и выступил против князя Милана Обреновича, когда тот в начале 1880-х гг. перевел вектор внешней политики с Петербурга на Вену, олицетворявшую столь «ненавистный» Запад. Конфликт завершился неудачным Тимокским восстанием (1883), и Пашич был вынужден шесть лет скрываться за границей. Но и монарх не смог умиротворить страну. После поражения в войне с болгарми в 1885 г. кризис в Сербии обострился, и в феврале 1889-го Милан отрекся от престола. А несколько месяцев спустя беглый вожак радикалов триумфально вернулся в Белград, сразу же заняв ключевое место в иерархии новой власти.

В феврале 1890 г. Пашич впервые посетил Петербург с официальным визитом в качестве председателя Народной скупщины и мэра сербской столицы. Всего за год до этого он скитался по России как политэмигрант, живя на скромное пособие Славянского благотворительного общества... Ныне же пришла долгожданная сатисфакция – Александр III дал сербскому гостю аудиенцию, пожаловав ему первый орден. «Милостивый государь Николай Петрович! – обращался к Пашичу министр иностранных дел России Н.К. Гирс. – Государю императору, во изъявление высочайшего к Вам благоволения, благоугодно было, по случаю приезда Вашего в Санкт-Петербург, пожаловать Вас кавалером ордена Святого Станислава 1-й степени» (2).

А еще год спустя, когда недавний изгнанник стал главой правительства (подобные фантастические взлеты случались в истории Сербии неоднократно), – состоялась поездка малолетнего короля Александра Обреновича в Россию. Монарха сопровождали Пашич и регент Йован Ристич. Александр III был доволен, что первый зарубежный вояж крестник его отца совершил на берега Невы, пообещав сербам помощь и покровительство. И Пашич возрадовался: после многолетнего «замерзания» отношения с Россией налаживались, тем более, что инициаторами оттепели были радикалы. В Петербурге оценили такой поворот и наградили сербского премьера орденом Белого Орла, минуя следующую за Станиславом Анну. Случилось это в августе 1891 г.

Но руководить политикой Сербии Пашичу пришлось недолго – уже весной 1892-го он подал в отставку. Маятник политической судьбы опять закачался, причем амплитуда была значительной: от премьерского кресла до каземата, от монарших милостей до нового изгнания. Так продолжалось до 29 мая 1903 г., когда в результате военного переворота на сербский престол взошел внук Карагеоргия – король Петр... Дважды беглец возвратился в большую политику.

В очередной раз вопрос о награждении Пашича встал в 1907 г. – в связи с новым торговым соглашением с Белградом. 18 ноября российский посланник В.С. Сергеев докладывал министру иностранных дел А.П. Извольскому: «За целым рядом заключенных Сербией торговых договоров с иностранными державами... последовало пожалование соответствующих орденских знаков отличия... Так, г. Пашич получил

орден Почетного Легиона большого креста», причем, что немаловажно, его «впервые удостоился сербский государственный деятель». Обо всем этом Сергеев информировал шефа «на тот случай, если бы Вам угодно было признать своевременным пожалование сербского министра иностранных дел знаком Монаршей милости» (3).

Александр Петрович Извольский – экзальтированный, самолюбивый аристократ и сугубый западник по определению, не любил Пашича – недоверчивого и молчаливого плебея, византийца до мозга костей. Мало того, он его весьма опасался: скрытая, но грозная энергия сербского премьера, вкупе с немалой популярностью в России, могли принести вред балканской политике министра. «Что хочет этот старый заговорщик? – зло спрашивал Извольский сербского посланника Димитрие Поповича. – Он хочет меня свалить? Что ж, пусть попробует» (4, 46-47). Понятно, что при таком отношении рассчитывать на очередное поощрение Пашичу не приходилось. Впрочем, он и не догадывался о мелкой интриге русского коллеги по цеху.

В ответ на депешу Сергеева его начальник отправил в «сферы» следующее свое суждение: «Сербский министр иностранных дел г. Пашич удостоился уже в 1891 г. награждения орденом Белого Орла. По поводу возбуждаемого ныне вопроса о новом награждении г. Пашича, ввиду состоявшегося заключения торгового договора между Сербией и Россией, надлежит заметить, что следующей по очереди орденом награды для г. Пашича был бы орден Александра Невского». Но поскольку «означенный орден жаловался до сего времени лишь представителям великих держав», то «награждение г. Пашича, как министра второстепенной державы, являлось бы беспримерным».

Очевидно, что движимый ненавистью к Пашичу Извольский лукавил: еще в 1881 г. Александровскую ленту получил митрополит Михаил, а в 1891-м (во время совместного с Пашичем визита в Петербург) – Ристич. Да и что такого, если бы это награждение впрямь было «беспримерным» – французы ведь дали ему, первому из всех сербов, большой крест Почетного Легиона... Дабы не показаться совсем уж невежей, Извольский посчитал, что «наиболее соответствующей наградой» для Пашича «было бы пожалование ему ценного подарка из Кабинета Его Императорского Величества...» (5). Но, увы, даже такая «малость» осталась на бумаге.

Идея Высочайшего подарка всплыла год спустя, в ноябре 1908-го, когда Пашич вместе с тогдашним престолонаследником королевичем Георгием прибыл в Петербург для переговоров по случаю объявленной Венной аннексии Боснии и Герцеговины. И снова Извольский, практически сдавший боснийские земли в Бухлау шефу австро-венгерской дипломатии Алоису фон Эренталю, повел свою старую интригу. Обратимся к черновику записки министра императору, который говорит куда больше, чем тщательно отделанный окончательный текст: «Ввиду предстоящего отъезда из Петербурга прибывшего сюда с особой миссией бывшего сербского министра-президента Пашича, переговоры с коим по поводу настоящего политического положения на Балканах благополучно окончились, Вашему Императорскому Величеству, быть может, благоугодно будет пожаловать ему знак Всемиловнейшего благоволения. Так как пожалование г. Пашичу, имеющему уже Белого Орла, высшего ордена могло бы быть несвоевременным в виду настоящего политического положения, то осмеливаюсь полагать, что наиболее подходящим для него знаком благоволения был бы подарок от Высочайшего имени, *соответствующий по своей ценности высокому положению, занимаемому в Сербии г. Пашичем*» (6).

Ссылка на несвоевременность новой награды Пашича неубедительна – 19 октября королевич Георгий получил Александра Невского. И даже предлагая подарок, Извольский старался снизить его престиж – выделенная фраза в проекте записки вычеркнута. 5 ноября Пашичу была пожалована «яшмовая, украшенная золотом и бриллиантами, табакерка с вензелевым изображением Высочайшего Имени» стоимостью 1349 рублей (7).

В марте 1910 г. состоялся визит сербского короля Петра I в Россию – тем более значимый для сербов, что это была первая зарубежная поездка их монарха со времени занятия престола после Майского переворота 1903 г. В сопровождении премьер-министра Пашича и других членов правительства он проехал в Петербург через всю Россию, сделав остановки в Киеве и Москве. Везде делегацию единоверных сербов встречали сердечно и с восторгом. По воспоминаниям генерала Н.А. Епанчина (директора Пажеского корпуса, где ранее обучался и Александр Карагеоргиевич), «король мне говорил, что очень доволен приемом, который был ему оказан в России; особенно на короля произвела впечатление встреча со стороны народа вообще, особенно в Москве, и еще сильнее было впечатление в Киеве, где народ оказал королю особенно сочувственный прием» (8, 345). И В.Ф. Джунковский – московский губернатор – зафиксировал, как «король проехался по улицам Москвы и был везде встречен с восторгом» (9, 478). Помолвившись в Иверской часовне, он «проехал в Сербское подворье, где уже шло богослужение» (9, 478). Здесь, в церкви Свв. Кира и Иоанна на Солянке, сербский монарх и его первый министр оставили автографы в книге почетных гостей (10).

В столице Империи состоялись переговоры с Николаем II, увенчавшиеся гала-обедом в Петергофе на несколько сот персон. Получив Андреевскую ленту, король Петр решил с царем вопрос о браке дочери: год спустя королева Елена Петровна вышла замуж за князя императорской крови Иоанна Константиновича, или Иоанчика, как его звали в семье (старший сын великого князя Константина Константиновича (поэта К.Р.), правнук Николая I. По закону 1885 г. правнуки императоров получали титул *князя императорской крови*), нашедшего свой земной конец в алапаевской шахте в роковом июле 1918-го... Никола Пашич торжествовал – Карагеоргиевичи и Романовы, наконец, породнились.

Понимая, что во время визита короля Петра без наград не обойтись, Извольский телеграфировал посланнику в Белграде Н.Г. Гартвику: «Прошу сообщить по телеграфу, какие русские знаки отличия могут быть испрашены, по мнению Вашему, Пашичу и всем остальным лицам» (11). Гартвиг высказался однозначно: «Пашичу, имеющему Белого Орла, – Александра Невского» (12). Однако Извольский интригу свою не оставил – «Испрашиваю Всемилостивейшее соизволение Вашего Величества на пожалование председателю совета министров Николаю Пашичу бриллиантовых знаков к имеющемуся у него ордену Белого орла...» (13). 18 марта, с согласия императора, оные «знаки» (исполненные фирмой ювелира Гана – ценой в 3500 рублей) были вручены кавалеру.

Заметим, что орден Белого Орла с бриллиантами являлся наградой исключительно для иностранцев. Из 22 пожалований граждане России не получили ни одного. Особенно почему-то ценили его восточные монархи. Из балканских политиков его удостоились Пашич, сербский министр иностранных дел Милован Милованович и военный министр Болгарии генерал Паприков (14, 9).

Но Александра Невского Пашич все-таки получил – после отставки Извольского. И повод казался совсем будничным: «По случаю приезда в Москву на открытие памятника Александру III в мае 1913 г.» (15). Так писалось на бумаге, мы же напомним, что весна 1913-го – это время окончания Первой Балканской войны и возникших между победителями разногласий по поводу раздела отвоеванных у турок территорий; время угроз Белграду со стороны Вены и уговоров его же из Петербурга. А коли так, то становится ясно, что сербский премьер оказался в Белокаменной не только затем, чтоб лицезреть, как спадает покров с монумента отцу императора. Как явствует из личных бумаг Пашича, он провел переговоры с Николаем II, главой правительства Коковцовым, министрами Сазоновым и Сухомлиновым (16)... Да и орден-то, думается, получил не только «по случаю приезда», но и за выигранную войну. Ведь еще 26 марта канцелярия

министерства императорского двора «покорнейше просила» первый департамент МИД «вручить по назначению прилагаемую Высочайшую грамоту на пожалованный... Николаю Пашичу орден Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского» (15). Как бы там ни было, 5 июня Гартвиг уведомлял начальство о ее «исправном получении и передаче по назначению» (17).

Последний визит Пашича в Россию состоялся в апреле-мае 1916 г. Шла Великая война. Только что завершилась «Сербская Голгофа» – труднейший переход сербов через албанские перевалы на побережье (в зимних условиях, порой без куска хлеба) и переправа на греческий остров Корфу... Оттуда принц-регент Александр в сопровождении премьера отправился в поездку по союзным столицам. Рим, Париж и Лондон они посетили вместе, в Петроград же Пашич отбыл один – регент остался во Франции подлечиться.

Поездка в Россию прошла триумфально. Посланец маленького, но не сдавшегося народа был встречен русской публикой с полнейшим восторгом. В его честь устраивались грандиозные приемы: 25 апреля в петроградской «Астории» присутствовало 300 человек, а 29-го в московском «Метрополе» людей было в два раза больше. (В Москве даже меню банкета было выдержано в духе «манifestации» – «Суп славянский. Бульон московский. Филе из судака по-чешски. Жаркое. Салат по-сербски. Соуса: польский и хорватский». В этом вся Москва – широкая, хлебосольная, славянская. Не то, что европейский Питер с его «кремом шампиньон» и «севрюгой по-английски», как кушали в «Астории»... И Пашич в Первопрестольной чувствовал себя лучше: гулял, ходил по магазинам, посетил снарядный завод, Сокольнический трамвайный парк, Рублевский водопровод: бывшего мэра Белграда интересовала организация городского хозяйства). Общественные организации жертвовали средства в пользу сербов. Петроградский комитет помощи Сербии дал 70 тысяч рублей, московская городская дума – 100, московские же славянский комитет и земская управа – соответственно 40 и 10, киевские городские власти – 25 тысяч, а одесские – все 30.

Это был звездный час Пашича. Официальная Россия в ходе переговоров во многом сблизилась свою позицию с сербской, а 20 апреля премьер был пожалован орденом Святого Владимира 1-й степени, наградой высокой и редкой. По сообщениям петроградских газет, министр иностранных дел С.Д. Сазонов лично вручил ее Пашичу (18). На следующий день он и его свита отправились в Царское Село на встречу с Николаем II. Причем, как писали те же газеты, «во время приема Пашич был в ленте ордена Св. Владимира 1-й степени» (19).

После аудиенции сербы были приглашены к завтраку в кругу семьи императора – в библиотеке Александровского дворца к гостям присоединились Александра Федоровна, царевны и наследник Алексей, который, как заметил Пашич в беседе с журналистом А.А. Пиленко, «оказывается, первый раз завтракал в большом обществе» (20). Столь же радушный прием Пашич встретил в Москве (где состоялось специальное заседание городской думы), Киеве и Одессе, куда он прибыл в начале мая для инспекции Сербской добровольческой дивизии. В середине месяца он отбыл на Корфу в прекрасном расположении духа.

Однако не прошло и года, как монархия в России пала, а еще через восемь месяцев к власти пришли большевики. Они делали ставку на другие силы...

* * *

Итак, Никола Пашич «собрал» солидную коллекцию российских орденов. Четыре «кавалерии» и бриллиантовые знаки – немало и для доморощенного чиновника высокого ранга. Но спрашивается, а был ли он достоин такого внимания? Как сам-то относился к России, причем вне руслу официальной политики?

Пашич был связан с Россией глубокой внутренней связью. Можно привести немало деталей, которые обычно ускользают от внимания историков, толкующих об одном лишь политическом интересе его к ней.

В 1925 г. – на закате поздней «осени патриарха» сербской политики – его супруга Джурджина писала родственнице: «Никола всегда себя чувствует хорошо за границей» (это письмо хранится у младшего внука Николы Пашича – Джордже). Особенно справедливо это замечание применительно к России. Пашич любил ее, любил в ней бывать, ощущая себя здесь своим, – его и величали не иначе как «Николай Петрович». Любил общаться с русскими, иногда, правда, перегибая палку: во время торжественных приемов нередко здоровался за руку с лакеями в ливреях. Любил говорить по-русски, что, бывало, тоже приводило к казусам. Как вспоминал Д. Попович, однажды Пашич говорил без переводчика с одним русским генералом. Но так, что после разговора тот удивленно заметил соседу: «А я и не думал, что сербский язык так похож на русский» (21, 144). В бытность посланником в Петербурге (1893-1894), расписываясь в книгах посещения важных персон, он всегда выводил: «Николай Петрович Пашич» – книга визитов тогдашнего цесаревича Николая Александровича сохранила такую особенность (22). И даже во время официальных приездов в Россию данная практика не менялась. В 1891-м, просматривая список сербской делегации, сопровождавшей короля, Пашич приписал напротив своей фамилии по-русски: «Николай Петрович» (23). Ну нравилось ему так! А в апреле 1916 г., подтверждая получение от московской городской думы крупной суммы на помощь сербам, он начертил: «Николай Петрович Пашич. Министр Председатель Сербский» (24). Расписка тиражировалась газетами – хозяевам было приятно (25).

И в наградных делах он оставался верен себе. Заведенный порядок требовал, чтобы иностранцы, каких российское правительство предполагало отметить, заполняли особую анкету с упоминанием прежней награды. Сохранилось немало таких анкет, где Милован Милованович или, скажем, Мирослав Спалайкович (сербский дипломат) сообщали о том по-французски. Не то Пашич! Он знал французский, но перестал бы себя уважать, если бы не указал по-русски, что последний его орден – это «Белый Орел с алмазами» (26). Мелочи, скажет кто-то. Детали, ответим мы, говорящие куда больше об истинном состоянии души, чем все официальные заверения в любви и дружбе.

Даже в быту, о чем уж совсем редко упоминается при описании жизни политиков, Никола Пашич был каким-то полурусским. Летом, к примеру, любил носить чесучовую пару, как помещик средней руки. На кухне у него стоял большой тульский самовар. Среди столового серебра в хозяйстве Пашичей имелось 12 русских ложек с инкрустациями, чайный сервиз и 6 чарок для водки, которую он, правда, не пил. А в кабинете был особый шкафчик с собраниями сочинений И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого и других классиков. На стенах дома на Театральной (ныне – Французской) улице висели картины художника Байкова и русские иконы в старых окладах. И в церкви он обычно крестился, отбивая поклоны в пояс, что также было совсем не «по-сербски».

В июле 1918 г. Пашич выдавал замуж младшую дочь Паву. Венчание проходило в русской церкви в Ницце. Год спустя, сообщая о рождении внучки, Джурджина писала ему из Лондона: «Пава чувствует себя хорошо, так, как и девочка. Крестить ее будет русский священник, ибо сербского здесь нет. Я пишу об этом, зная, что тебе будет приятно» (27).

Есть, наверное, какая-то связь между «русским крещением» и дальнейшей судьбой Катарины Рачич: в 1940 г. она вышла замуж за князя Теймураза Багратион-Мухранского (Теймураз Багратион-Мухранский (1912-1992) был рожден в «неравнородном» браке. Его отец – князь Константин Багратион-Мухранский и мать – княжна императорской крови Татьяна Константиновна Романова (дочь великого князя Константина

Константиновича, сестра Йоаннчика и золовка Елены Сербской) вступили в брак в 1911 г.). Венчали молодых в Топчидерской церкви русские священники. Присутствовала и старая Джурджина (28). Стоя позади, она, должно быть, вспоминала своего Николу, – несомненно, он был бы доволен. Ведь только она знала этого скрытного балканца до конца. А потому совсем неслучайно, что, когда в декабре 1926 г. Пашича хоронили, на груди у него лежала русская икона Святого Спиридона в драгоценном окладе, а в его «отпевании и погребении приняли участие русское духовенство и русский хор». Все это – «по желанию супруги», как извещало эмигрантское «Новое время» (29). Пашич лежал в ореховом гробу, усыпанном алыми гвоздиками и белыми розами. У одра стояло 128 венков. Среди орденов, что несли курсанты Военной академии, в первом ряду были Белый Орел и Владимир 1-й степени...

Где же теперь награды Николы Пашича? Увы, неизвестно. Из всех пожалований сохранилось одно серебряное блюдо с уральскими камнями, на каком 28 апреля 1916 г. на Николаевском вокзале в Москве он принял хлеб-соль, о чем свидетельствует и надпись на нем: «От московского городского общественного управления 28 апреля 1916 г. министру-президенту Сербии Николаю Пашичу». В 1995 г. младший внук Джордже Пашич передал реликвию в мемориал деда в Заечаре, где 166 лет назад тот и увидел свет.

* * *

Вместо заключения – краткий комментарий к одной поздней фотографии Пашича. Она сделана в 1922 г. в Бухаресте, куда он приехал просить румынскую принцессу Марию выйти замуж за короля сербов, хорватов и словенцев Александра Карагеоргиевича. Так вот, это последний его «парадный портрет»: на груди множество звезд и румынская лента. Но из-под седой бороды виднеется «Белый орел с алмазами» – орден страны, которой уж нет... В этом весь Николай Петрович.

1. Васиљевић А. Моје успомене. – Београд, 1990.
2. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. Славянский стол. Д. 9534. Л. 6.
3. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9671. Л. 1-1 об.
4. Поповић Д. Борба за народно уједињење. 1908-1914. – Београд, б/г.
5. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9671. Л. 2.
6. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8798. Л. 22.
7. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8798. Л. 19; Д. 9671. Л. 4.
8. Епанчин Н.А. На службе трех императоров. – М., 1996.
9. Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. I. – М., 1997.
10. Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2044.
11. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8856. Л. 24.
12. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8856. Л. 25.
13. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8856. Л. 28.
14. Польского орла ищи на Востоке // Антикварное обозрение. – 2001. – № 3.
15. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9671. Л. 5.
16. Архив Југославије. Ф. 143. Фасцикла 2.
17. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9671. Л. 7.
18. Биржевые ведомости. – 1916. – 21 апреля (4 мая).
19. Русское слово. – 1916. – 22 апреля (5 мая); Русские ведомости. – 1916. – 22 апреля (5 мая).
20. Новое время. – 1916. – 23 апреля (6 мая).
21. Поповић Д. Никола Пашић и Русија. Из мојих личних сећања // Годишњица Николе Чупића. – Београд, 1937. – Књ. XLVI.
22. ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1587. Л. 33 об.

23. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9534. Л. 80.
24. Центральный исторический архив Москвы. Ф. 179. Оп. 21. Д. 3453. Л. 10.
25. Русское слово. – 1916. – 29 апреля (12 мая).
26. АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8856. Л. 55.
27. Архив Српске Академије наука и уметности. Заоставштина Николе Пашића. Бр. 11571/14.
28. Политика (Београд). – 1940. – 28 октобар.
29. Новое время (Белград). – 1926. – 14 декабря.